

**КОНКУРС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА – 2012,
ИЛИ ПОЧЕМУ ПОЧЕТНОЕ ПЕРВОЕ МЕСТО
ОСТАЛОСЬ ВАКАНТНЫМ**

Вера Гливинская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,

**THE LITERARY TRANSLATION COMPETITION
OF 2012 OR WHY NOBODY RECEIVED 1ST PRIZE**

Vera Glivinskaya

Lomonosov Moscow State University

The article presents the results of the annual literary Bulgarian-Russian translation contest held among students all over Russia. The contestants' ways of rendering intertextualisms, foreign language inclusions and wordplay are analysed in the article. The author emphasizes the importance of increasing students' background knowledge, developing their skill of pre-translation analysis of the original text as well as their ability to identify correctly hidden elements of meaning.

Key words: contest, literary translation, wordplay, intertextualism, foreign language inclusions

В 2012 году в Москве состоялся очередной Всероссийский конкурс студенческих переводов художественного текста с болгарского языка на русский. Конкурс этот проводится ежегодно с 2001 года и интересен с трех точек зрения:

1. Стимулирует интерес к переводу и позволяет выявить из числа студентов-болгаристов наиболее способных к этому виду деятельности;
2. Анализ ошибок, допущенных переводчиками, дает возможность преподавателям болгарского языка совершенствовать процесс обучения;

3. Тексты переводов представляют собой исключительно ценный и разнообразный материал для изучения способов перевода той или иной единицы языка.

Право участия в конкурсе имеют только студенты высших учебных заведений. По традиции конкурс проходит под эгидой Посольства Республики Болгария в Москве при содействии Болгарского культурного института. Организаторами конкурса выступают два факультета МГУ им. М. В. Ломоносова – филологический и факультет иностранных языков и регионоведения, который я имею честь представлять, а точнее две кафедры этих факультетов, соответственно: кафедра славянской филологии и кафедра славянских языков и культур.

Большую помощь в организации и проведении конкурса все эти годы оказывают лекторы болгарского языка – преподаватели ведущих болгарских университетов и сотрудники Института болгарского языка БАН – доц. Е. Чаушева, доц. М. Спасова, проф. В. Вытов, доц. Й. Дапчева, доц. М. Китанова, доц. М. Димитрова и доц. Б. Даскалова.

С каждым годом число участников возрастает, в связи с чем последние три года конкурс проводится в две ступени. Первый отбор поданные на конкурс переводы проходят в своих родных учебных заведениях, затем лучшие пересылаются на проверку жюри, состоящему из 5 членов – преподавателей болгарского языка кафедр – организаторов, перед которыми стоит нелегкая задача определения победителей.

Участниками последнего конкурса были студенты ведущих российских ВУЗов – Санкт-Петербургского государственного университета, Государственной академии славянской культуры (г. Москва), Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва), филологического факультета и факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова. Ко второму туру были допущены 19 конкурсантов. Проведение конкурса традиционно приурочено к празднику Славянской письменности, награждение победителей происходит в торжественной обстановке празднования Дня св. св. Кирилла и Мефодия в Посольстве Республики Болгария в Москве и награды вручает Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Болгария в Российской Федерации. К сожалению, в этом году почетное 1-ое место осталось вакантным: во всех переводах были допущены серьезные ошибки, не позволившие членам жюри отдать кому-либо первое место. На чем же споткнулись юные переводчики?

Практически во всех переводах имеют место ошибки лексико-семантические, грамматические и стилистические, которые, к сожалению, повторяются из года в год и, в свою очередь, приводят к

ошибкам смысловым, то есть искажают смысл переводимого произведения (Гливинская 2011). Анализ таких ошибок, безусловно, интересен с точки зрения преподавания болгарского языка и перевода, но не является предметом данного сообщения. „Камнем преткновения“ в последнем конкурсе стали фразеологизмы, представленные в изобилии в конкурсных текстах и вызвавшие серьезные затруднения у переводчиков. Сопоставительный анализ предложенных конкурсантами вариантов перевода фразеологических единиц (далее ФЕ) позволяет проследить соотношение системы синонимических средств болгарского языка с системой таких средств русского. Традиционно на перевод даются два рассказа, как правило, не переведенные ранее на русский язык и содержащие т.н. переводческие трудности. Рассказ Здравки Евтимовой „Стопанката“ – лирическое повествование. На двух страничках текста проходит вся жизнь главных героев – мужчины и женщины, а точнее болгарина и болгарки, поскольку они, безусловно, отражают специфику болгарского национального характера: несуетность, неприхотливость и терпение. Рассказ Георгия Господинова „Белите гащи на историята“ написан совсем в иной тональности. Это рассказ об одном эпизоде из жизни обыкновенного болгарина, но этот эпизод позволяет автору выразить свое видение истории своего многострадального Отечества, пытающегося маневрировать между Сциллой и Харибдой. Рассказ искрится юмором, проникнут грустью и побуждает к размышлениям. При переводе этого рассказа конкурсанты помимо прочих переводческих трудностей столкнулись с проблемой передачи юмористического эффекта, создаваемого с помощью самых разнообразных художественных средств: это и двойная актуализация фразеологизмов, и использование интертекстуализмов и иноязычных вкраплений, и создание каламбура. Под двойной актуализацией мы, вслед за А. В. Куниным (Кунин 1974) и В. Кювлиевой-Мишайковой (Кювлиева-Мишайкова 1988) понимаем: „стилистично средство, за което е характерно едновременното използване на ФЕ в нейното единно значение и на неин компонент (или компоненти) в неговото пряко, буквално значение“ (Кювлиева-Мишайкова 1988: 148). Лингвистические основания реализации двойной актуализации следует искать в двух направлениях: „а) в тяхната разделнооформена структура, която позволява един (или два, три) компонент от структурата на ФЕ да се въприеме буквално и да се превърне в стилистичен актуализатор на същата ФЕ;

б) в преосмысленото значение на ФЕ и неговата проекция върху прототипното изходно свободно съчетание, на чиято основа е изградена ФЕ“ (там же: 150).

В разказе Г. Господинова словосочетание *белите гащи* използват се три пъти: в заглавието на разказа, в средата на разказа в прямото значение („*И най-накрая баща ми, изтървал легената, по бели гащи, с патрондаша от щипки през рамо*“) и, накрая, в завършеността на разказа: „Само по тези места и в такива мигове между милиционерската униформа и буржоазния халат, можем да мернем за миг истинското лице на историята. Дори не лицето, а направо белите ѝ гащи ..“. Свързването на словосочетание *белите гащи* с българския фразеологизъм *заварвам (сварвам, залавям и т.н.) по бели (долни) гащи* е изключително очевидно. Този прием на създаване на юмористическия ефект и начина на неговото предаване при преводът са описани в доклада на тема „Фразеологизми в преводния език“ на Юбилейната лексикографска конференция в София (октомври 2012 г.).

В този наш съобщение ние бихме искали да се спрем няколко по-подробно на предаването на конкурсантите на други средства на създаване на юмористическия ефект, такива като интертекстуалните елементи, иносказателните вкрапления и каламбури.

Интертекстуалността, по определение на Л. Л. Нелюбина, се изразява в връзките на дадения текст с други текстове, в откритото или скрито цитиране на други текстове, в препратки на други текстове (Нелюбин 2003: 66). В разказа на Г. Господинова ние наблюдаваме по-малко от три интертекстуални елемента. Идентификацията на един от тях, афоризма на Ф. Э. Дзержински, не е трудна, тъй като е даден в текста в кавички и с указание на автора на изречението: *Над входната врата на къщата си той беше накарал да му изпишат с червени букви „Чекистът трябва да има хладен ум, горещо сърце и чисти ръце“ и отдолу – Феликс Едмундович Дзержински.*

Большинството от конкурсантите доверили са автору на разказа и използвали приема на обратен превод:

„Чекистът трябва да има хладен ум, горещо сърце и чисти ръце“.

По-големите „искусеници“ в преводния език последвали препоръките на преводачи (Влахов, Флорин 1980; Вербицкая, Гусева 2009) и предприели търсене на прототекст, тъй като в нашия компютърен век това е доста лесно. Интернет-ресурс предлага няколко варианта (от речите на Ф. Э. Дзержински, произнесени в различни години по различни случаи):

Чекист должен иметь горячее сердце, холодную голову и чистые руки.

У чекиста должны быть чистые руки, холодный разум и горячее сердце.

Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками.

Сам по себе этот афоризм, его перевод или воспроизведение не имели бы большого значения для оценки качества перевода, если бы автор не решил „поиграть“ с ним, а тем самым и с нашими юными переводчиками: афоризм в рассказе становится предметом языковой игры, основой каламбура:

Една септемврийска вечер някой беше изтрил „хл-то“ от „хладен“ и го беше заменил с „г“ ...

Выдающиеся болгарские переводчики и переводоведы С. Влахов и С. Флорин писали: „К сожалению, загнать в узкие рамки правил каждый каламбур едва ли удастся: слишком много в его переводе индивидуального, своеобразного; чтобы справиться с ним, необходимы и совершенное владение обоими языками, и огромный опыт, и общая культура, но, пожалуй, в первую очередь, чувство юмора, сообразительность и талант“ (Влахов, Флорин, 1980: 287). Что же предприняли наши конкурсанты для того, чтобы справиться со столь сложной задачей – передать игру слов в интертекстуализме? Самый распространенный вариант звучит так:

Как-то вечером в сентябре кто-то стер „х“ в слове „холодный“, вместо этого написал „г“ ...

Совсем очевидно, что болгарское „гаден“ и русское „голодный“ ничего общего не имеют ни по своему денотативному, ни по коннотативному значению. Куда более вразумительным выглядит вариант:

Одной сентябрьской ночью кто-то стер „хол“ от „холодный“ и заменил на „нег“ ...

Остроумное решение игры с другим словом афоризма предприняли два переводчика:

Как-то раз под покровом сентябрьской ночи неизвестный злоумышленник приписал „не“ к слову „чистые“ ...

Однажды сентябрьским вечером кто-то исправил „руки“ на „брюки“ ...

В одном из переводов был предложен вариант игры со словом „разум“:

Одним сентябрьским вечером кто-то поиздевался над словом „разум“: стер букву „у“ и подписал спереди слог „ма“ ...

Перевод каламбура – задача, безусловно, „головоломная“, но „ни один переводчик не имеет права сдаваться, не добившись успеха в решении этой задачи и не избавив читателя от необходимости ломать голову над значением его перевода“ (Влахов, Флорин 1980: 314).

Некоторые переводчики, к сожалению, пошли по пути наименьшего сопротивления, оставив в переводе совсем непонятное русскому читателю „гадный“, да еще при этом исказив сам прецедентный текст:

„Чекисту нужно иметь хладный ум, горячее сердце и чистые руки“.

В один сентябрьский вечер кто-то стер „хл“ – у „хладный“ и заменил его на „г“ ...

Другие интертекстуальные элементы в рассказе Г. Господинова также легко идентифицируются в силу своего „классического“ происхождения и широкого использования в современном научном и политическом дискурсе:

А бай Костадин клатеше глава и повтаряше „човешка комедия, човешка комедия...“.

Приятно отметить, что уровень фоновых знаний позволил почти всем конкурсантам уловить авторскую аллюзию и перевести правильно:

А бай/дядя Костадин покачивал/качал головой и повторял: „Человеческая комедия, человеческая комедия ...“.

Лишь в одном переводе аллюзия не была идентифицирована и в результате авторский замысел не получил должной репрезентации:

А бай Костадин качал головой и повторял: „Ну и комедия, ну и комедия ...“.

Третий инертекстуальный элемент происходит из древнегреческой мифологии:

Трябвало да се мине някак между сцилата на бай Костадин и харибдата на майка ми.

Трудность работы с этим интертекстуализмом связана с его фразеологическим характером. Фразеологический словарь болгарского языка (1974) дает ему следующее толкование: Между Сцила и Харибда. Книж. В крайно тежко положение, при което има опасност от две страни. От названията на двете митични чудовища, намиращи се на двете страни на Месинския пролив, които поглъщали всички мореплаватели (ФРБЕ 1974: 577).

Юных переводчиков не смутила авторская орфография (написание со строчной буквы), в целом, почти все правильно идентифици-

ровали образы, а вариативность переводов была связана скорее с определением действия:

Надо же ему было как-то проскользнуть между Сциллой/Скиллой – в лице бая Костадина и Харибдой – в лице моей мамы.

Нужно же было как-то лавировать

Надо было только пройти/проплыть/миновать/проскочить ...

Только два из девятнадцати переводов выявили недостаточный уровень фоновых знаний своих авторов, а также и недостаточную их любознательность и добросовестность:

Надо было быть чем-то средним между сцилой бая Костадина и харибдой моей мамы.

Нужно было как-то справиться со сцилой бая Костадина и харибдой моей мамы (сохранена орфография авторов переводов).

Имена библейских и мифических персонажей широко используются учеными, писателями, журналистами в целях усиления образности, экспрессивности речи. В болгарском и русском языках они, в основном, совпадают. Это, безусловно, облегчает работу переводчиков, но только в том случае, если они им известны. Замечательная книга С. Влахова „Энциклопедичен речник от Авгий до Яфет“ (1996) содержит богатую и разнообразную информацию об именах персонажей из Библии и героев мифов народов мира, знакомит читателя с вечными ценностями человечества и должна была бы стать настольной книгой переводчика, если бы не была библиографической редкостью.

Помимо описанных переводческих трудностей в рассказе Г. Господинова есть еще один чрезвычайно неудобный для перевода элемент – так называемое иноязычное вкрапление. Иноязычными вкраплениями С. Влахов и С. Флорин называют слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений, введенные автором для придания тексту аутентичности, для создания колорита, атмосферы или впечатления начитанности или учености, иногда – оттенка комичности или иронии (Влахов, Флорин 1980: 263).

Все переводчики единодушны в том, что перевод иноязычных вкраплений требует высокого мастерства и индивидуальных решений переводчика. Особенно затруднительно воссоздать в переводе эффект, производимый в оригинале вкраплением на языке перевода. С целью создания юмористического тона повествования Г. Господинов употребляет русское неопределенное местоимение *кое-что* в болгарском контексте:

Докато за Балзак знаехме кое-що, то за Сергиенко и досега нямам никава представа.

Трудно сказать, заметили ли наши переводчики этот авторский изыск, но в переводах не отмечено ни одной попытки воссоздать эффект этого иноязычного вкрапления. Четыре конкурсанта сохранили русское *кое-что*:

Если о Бальзаке мы знали кое-что, то о

Значительное число участников конкурса предпочли вариант:

Если о Бальзаке мы еще (хоть) что-то знали, то о

В одном переводе (кстати, в одном из лучших) мы встретили еще более вольную интерпретацию, уводящую еще дальше от русского *кое-что*:

И если кто такой Бальзак, мы знали, то о

Переводчики романа-эпопеи Л. Н. Толстого „Война и мир“ передали многочисленные французские вкрапления, выделив их курсивом. Этот прием целесообразен при работе со значительными массивами подобных вкраплений. Одно же маленькое слово, выделенное курсивом, вряд ли поможет воссоздать юмористический эффект иноязычного вкрапления в тексте оригинала.

Наши юные переводчики очень старались уцелеть между Сциллой вольного и Харибдой буквального перевода. Преодолевая многочисленные трудности переводческой практики, они так увлеклись, что забыли отслеживать элементарные и совсем прозаические правила: соответствие вида, времени, модальности, лица, числа, эксплицировать местоимения, передавать определенность/неопределенность болгарского имени средствами, принятыми в русском языке и т.п. Даже в лучших работах были допущены грубые ошибки в передаче грамматических значений. Вот примеры лишь некоторых из них:

А какво знаехме тогава за Балзак?

А что мы тогда **знаем** о Бальзаке? (*тогда* в контексте формы настоящего времени глагола обретает иной смысл, близкий русскому вообще).

Че бил голям любовник и пиел много кафе, докато пишел.

Только то, что он **был** большим охотником до женщин и **пил** много кофе, когда **писал** свои произведения (~~модальность~~ вместо *якобы, будто бы был ...*).

... защото в учебника по криминалистика пишело, че престъпникът винаги се връща на местопрестъплението...

... потому что в учебнике по криминалистике **было написано**, что преступник всегда возвращается на место преступления (~~мода~~^{ноеть} вместо *будто бы пишут*).

*Носеше **един** легендарен халат и прякора Балзака.*

*Он носил **один** легендарный халат и прозвище Бальзак* (вместо носил легендарный халат).

*И **трите** къщи (се намираха) в средата на уличка със звучното име Сергиенко.*

И **три** дома в середине улицы со звучным названием Сергиенко (вместо *все три дома*).

*... с брат ми тайно се **обзалагахме**, че си има униформена пижама ...*

... и мы с братом тайно **поспорили** что у него есть форменная пижама ... (~~вид~~ вместо спорили).

Перечисленные ошибки являются свидетельством того, что грамматические вопросы перевода не утрачивают своей актуальности и должны занимать подобающее им место в системе подготовки переводчиков. Мы не останавливаемся более подробно на анализе обозначенных ошибок, поскольку перевод несвидетельских форм, как и передача некоторых других грамматических значений комментируются в публикациях других наших коллег – членов жюри (Ржанникова, Тимонина 2012). Наш интерес к передаче образных художественных средств определяется, прежде всего, трудностью задачи их идентификации и воспроизведения средствами другого языка, а также интересом к творческому поиску конкурсантов. Преподавание теории и практики перевода с болгарского языка на русский в настоящий момент осложнено отсутствием учебников, учебных пособий, да и просто публикаций в этой области. В своей педагогической деятельности мы, безусловно, опираемся на работы известных болгарских переводчиков и переводоведов С. Влахова и С. Флорина (Влахов, Флорин 1980), Ив. Васевой (Васева 1982), Ил. Владовой (Владова 1988), И. Ликомановой (Ликоманова 2006) и других лингвистов – авторов сопоставительных исследований. Однако почти все они ориентированы на перевод с русского на болгарский. Анализируя конкурсные переводы, мы попытались собрать некоторые примеры решения проблем передачи интертекстуальных элементов, иноязычных вкраплений и каламбура средствами русского языка. Следует отметить, что все эти трудные для передачи художественные средства сосредоточены в одном коротком рассказе Г. Господинова „Белите гащи на историята“. Второй конкурсный рассказ – „Стопанката“ Здр. Евтимовой – преподнес конкурсантам не

меньше сюрпризов, но связаны они с другими переводческими проблемами: передачей эмоционально-экспрессивной, социолокальной и фоновой информации. Анализ переводов этого рассказа, отражающего болгарскую народную речь, заслуживает специального внимания и дополнительного исследования. Так, почему же почетное первое место Всероссийского конкурса художественного перевода – 2012 осталось вакантным? Во-первых, предложенные для перевода тексты оказались слишком насыщенными переводческими трудностями; во-вторых, на фазе восприятия текста конкурсанты обнаружили пробелы в понимании некоторых лексических и грамматических средств болгарского языка; в-третьих, на фазе перевыражения не всем удалось преодолеть проблемы межъязыковой асимметрии и, наконец, хотя и не в последнюю очередь, курс теории и практики перевода с болгарского языка на русский пока еще не получил должного достойного места в учебных планах наших ВУЗов.

ЛИТЕРАТУРА

- Васева 1982:** Васева, Ив. *Теория и практика перевода*. София: „Наука и изкуство“, 1982.
- Вербицкая, Гусева 2009:** Вербицкая, М. В., Гусева, А. А. Проблема перевода интертекстуальных элементов: категориальный подход. // *Вестник Московского университета, серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 2009, № 2, 9 – 19.
- Владова 1988:** Владова, Ил. *Превод и време*. София: „Наука и изкуство“, 1988.
- Влахов, Флорин 1980:** Влахов, С., Флорин, С. *Непереводимое в переводе*. Москва, „Международные отношения“, 1980.
- Влахов 1996:** Влахов, С. *Енциклопедичен речник от Авгий до Яфет*. София: „Петър Берон“, 1996.
- Гливинская 2011:** Гливинская, В. Н. Поуките от конкурса по художествен превод 2008. // *Болгарский ежегодник*. Т. 7, Киев 2011, 145 – 152.
- Кунин 1974:** Кунин, А. В. Двойная актуализация как понятие фразеологической стилистики. // *Иностранные языки в школе*, № 6, 1974, 13 – 17.
- Кювлиева 1988:** Кювлиева-Мишайкова, В. За някои начини на актуализация на фразеологичните единици. // *Славистичен сборник*. Под ред. на Ив. Дуриданов. София: Изд. на БАН, 1988, 147 – 152.
- Ликоманова 2006:** Ликоманова, И. *Славяно-славянският превод*. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2006.
- Нелюбин 2003:** Нелюбин, Л. Л. *Толковый переводоведческий словарь*. Москва: „Флинта-Наука“, 2003.

Ржанникова, Тимонина 2012: Ржанникова, О. А., Тимонина, Е. В. Болгарские несвидетельские формы как переводческая проблема (на материале работ, представленных на студенческий конкурс художественного перевода с болгарского языка на русский). // *Русистика: язык, культура, перевод*. София: „Изток – Запад“, 2012, 363 – 369.

ФРБЕ 1974: *Фразеологичен речник на българския език*. Т. I. София: Изд. на БАН, 1974.

Источники

Господинов: Господинов, Г. *Белите гащи на историята*. <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=28&WorkID=323&Level=2>

Евтимова: Евтимова, З. *Стопанката*. <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=288&WorkID=17536&Level=1>